

Революционная мифология и революционная действительность

Рудольф Роккер

Оглавление

Революционный культ и революция	3
Революция и контрреволюция	6

Революционный культ и революция

Глядя издали, мы получаем иное впечатление от вещей, чем если бы мы смотрели на них вблизи. У обоих методов есть свои преимущества, но есть и свои недостатки. Если мы посмотрим на ландшафт издали, то мы действительно осознаём взаимосвязь отдельных явлений; мы получаем не фрагменты, а цельную картину. Если мы приблизимся к предметам, то мы хотя и видим их чётче, но теряем общее впечатление, которое может дать нам перспектива; мы не видим, как говорится, леса позади деревьев. Лишь посредством пространственного удаления от предметов мы сможем верно оценить их размеры, их пропорции относительно друг друга; но только когда мы рассматриваем их вблизи, нам представляется возможность оценить их аналитически, т.е. наблюдать их в ходе их развития и оценивать по-отдельности.

То же касается и всех исторических явлений, причём — без исключений. Великие исторические события, как, например, Реформация или Французская революция, создают новые общественные факты, возникающие из переустройства общественных условий жизни. Исторические события, уже принадлежащие прошлому, и которые мы, поэтому, можем оценивать лишь в перспективе, постепенно становятся для нас традицией, и эта традиция в большинстве случаев лежит в основе наших оценок. Но традиция всегда является пёстрой смесью из правды и выдумки, возникающей под воздействием условий, в которых мы живём, и создающей, поэтому, совершенно иную картину, чем люди, пережившие подобный период, его воспринимали. Следовательно, мы часто видим вещи в неверном свете и поэтому часто приходим к представлениям, которые имеют мало общего с исторической реальностью. Это вполне понятно, ибо чем более отдалён от нас исторический период, тем менее мы в состоянии верно оценить отдельные судьбы людей того времени. Мы видим внешние черты картины, героические жесты великих мужей, игравших ведущие роли в той борьбе и, в основном, драматические события, явственно выделяющиеся на фоне исторических событий и бросающиеся, поэтому, в глаза, в то время как мелочи, чьи связи могли бы создать полноценную картину, остаются для нас, большей частью, неизвестными и, следовательно, не оказывают на наши суждения никакого влияния.

Только если мы, как сегодня, сами переживаем катастрофу мирового масштаба, у мыслящих людей обостряется понимание событий прошлого. Их собственное окружение вынуждает их сравнивать то, что происходит сегодня и то, что было. При этом словно пелена спадает с их глаз и они начинают понимать, что они видели многие события прошлого лишь сквозь цветные очки традиции, а поэтому много не понимали или трактовали совершенно неверно. Их собственные переживания делают их более критическими и помогают им глубже исследовать вещи, которых они ранее почти не замечали или принимали как нечто само собой разумеющееся, пока они не стали для них чем-то несомненным, о чём не стоило задумываться. И то, что именно сегодня мы делаем такие открытия, вовсе не удивительно, ибо мы всегда более полно понимаем вещи, когда они становятся нашей судьбой. Личный опыт всегда является более сильным и глубоким, чем самые прекрасные свидетельства, переданные нам другими. То, что человек медленно и напряжённо прорабатывает сам своим собственным мышлением, оставляет более глубокие следы, чем иллюзии, просто принимаемые за правду. Поэтому такие времена как наше, годы проверки, в

которые для каждого из нас должно решиться — понял ли он что-либо из событий последних тридцати лет или принадлежит к тем, кто был просто взвешен и найден слишком легковесным.

Я не утверждаю, что традиция сама по себе является вредной и от неё нужно отказаться. Есть традиции, передающие следующим поколениям сокровища мысли и духовные достижения, потерять которые было бы огромным несчастьем, т.к. они являются важными темами нашей личной и общественной жизни. По этой причине они часто вдохновляют последующие поколения столетиями и в высшей степени влияют на духовную жизнь людей, даже более глубоко, чем многим кажется. Но каким бы ни было влияние традиции на последующие поколения, нам всё же не стоит забывать, что это лишь отблески прошлого и уже их возникновение должно было заместить выдумкой те глубокие познания об исторических событиях, которые мы уже утратили. Именно поэтому традиция зачастую становится культом, затмевающим наше чувство реальности и приводящим нас к желаниям, которые тоже являются лишь выдумкой. Но это приходит нам в голову, когда мы неожиданно и, зачастую, без особой идейной подготовки переживаем великие события, из которых нам приходится понять, что один период нашей истории подошёл к концу, в то время как будущее всё ещё лежит перед нами в тумане, так что мы лишь постепенно понимаем каким путём нам нужно идти, чтобы достичь новой реальности.

Мне пришлось понять это на собственном примере. Рождённый в древнем городе на берегу Рейна, восемь с половиной лет спустя после основания новой Германской империи, возникшей благодаря Бисмарку, ещё в ранней юности я познакомился с социал-демократическим движением, пока я не познакомился с анархическим мировоззрением в 1891-м году. Местность, в которой я родился, была одной из самых демократических в Германии, где в мою молодость воспоминания о революционных событиях 1848-1849 гг. были ещё живы. Я лично был знаком с целым рядом старых революционеров, принимавших в той борьбе активное участие, и восхищался ими в тихом благоговении. К этому присоединилось ещё одно обстоятельство. Во времена моей юности в моём родном городе Майнце царил решительное неприятие всего прусского, но за то откровенная любовь к Франции. Всё, что исходило из Берлина, воспринималось как дурное, в то время как всё, что доходило до нас из Парижа тут же считалось хорошим. В этом большую роль играла традиция Французской революции, под сильным впечатлением от которой находилось немецкое население на левом берегу Рейна. Поэтому легко понять, что мы, молодые социалисты, весьма охотно изучали французскую революционную историю. О себя я могу с точностью сказать, что я уже тогда лучше разбирался в драматических событиях той великой эпохи, чем во многих эпизодах более поздней немецкой истории. Ведь история кайзера Барбароссы и его войн в Италии больше ни о чём нам не говорила, в то время как воспоминания о Великой Французской революции наполняли нас живыми надеждами на будущее, соответствовавшими нашему молодёжному энтузиазму.

И то, что мы придавали великим событиям 1789-го года и Провозглашению прав человека меньшее значение, чем страшным событиям 1793-го года, подразумевалось само собой, т.к. мы воспитывались на марксистских законах и были убеждены, что социализм достигим лишь посредством переходного периода с пролетарской диктатурой. То, что диктатура якобинцев снова пыталась насильственно собрать

воедино то, что революция разрушила насилем, мы тогда понимали столь же мало, как и то, что власть гильотины должна была логичным образом привести к власти Наполеона. Всё это стало мне понятно много позже, когда я во время моего изгнания получил возможность глубоко заняться историей, что показало мне, что нас в молодости научили культу революции, который заставлял нас приписывать революции силы, которых у неё не было и не могло быть. Ещё до того, как во мне забрезжило это понимание, Макс Неттлау, занимавшийся этими вещами как историк социальных движений более глубоко, называл культ революции мессианством и объяснял это в своей «Ранней весне анархии» следующим образом:

«Бабёвистско-бланкистская идея насильственного захвата государственной власти и диктатуры была без перепроверки перенята и вне этих открыто авторитарных кругов; так возникла вера во всемогущество революции. Насколько я уважаю такие желания и эту веру, они всё-таки авторитарного происхождения, мыслятся понаполеонски и не замечают того, что для авторитариев является незначительным — реальное проникновение общественного духа, чувства и понимания в отдельного индивида. То, что они автоматически возникают в лучших условиях, является несколько суммарным предположением, которое не доказывается неизбежно установленным посредством террора уравнением во всех предшествующих авторитарных революциях»

Совершенно верно подмечено, ибо ни одна революция не может упразднить того постепенного и поступательного развития, которое мы называем эволюцией. Ведь и сама революция является лишь определённой формой эволюции, всегда возникающей тогда, когда препятствия, мешающие эволюции, становятся со временем столь сильными, что их можно устранить лишь при помощи насильственной катастрофы. Революция есть освобождение уже существующих в лоне общества сил, стремящихся к переустройству общественных форм и, когда приходит время, взрывают старые пути подобно ребёнку, разрывающему в последний месяц беременности старую оболочку, чтобы начать собственное существование. Но это омоложение общественной жизни посредством революции мыслимо лишь во всё более широком влиянии новых идей и представлений в народе, которые подталкивают его к сопротивлению и заставляют его осознать своё человеческое достоинство. Чем глубже проникают новые идеи в широкие слои населения и влияют на мышление людей, тем больших результатов они достигнут, тем более глубокие следы революционных событий оставят они в жизни общества.

Для революции не является решающим насильственный характер, но творческое действие, которое она начинает в народе и которое единственно способно к истинному обновлению общественной жизни. Само насилие не способно создать ничего нового. Оно может в лучшем случае смести с пути старое и изжившее себя и освободить новые пути к развитию, когда отказывают все другие средства. Но оно никогда не может вызвать к жизни явления, которые лишь постепенно должны расцвести и вызреть в головах людей, прежде чем они смогут проявиться практически.

Поэтому революция всегда является чем-то отличным от простого восстания, который может начаться из-за любых случайностей. Как организуются и происходят путчи и военные перевороты мы видим каждый день. Настоящую революцию так же нельзя организовать, как землетрясения или иную природную катастрофу.

Она возможна лишь когда широкие слои населения охватываются её духом и сами скидывают с себя ярмо, терпеть которое они больше не могут. Поэтому неверно оценивать революцию только по тому, что она насильственно разрушает, т.к. насилие является лишь одним из её побочных явлений, полностью определяемым тем сопротивлением, на которое она натывается. Не в том, что она разрушает, а в новом, чему она помогает развиться и чему она служит акушеркой, проявляется её истинное социальное и историческое значение. И поэтому она непредсказуема и не может быть объяснена ни логикой, ни научными методами. Народы никогда не делали революций ради развлечения, а всегда потому, что на то их вынудила горькая необходимость. Если бы исторические события происходили благодаря логике или по причинам разума, то не было бы ни войн, ни революций. Эта понимал даже такой профессиональный революционер как Бакунин, когда он писал в своей статье «Народное дело»: «Кровавые революции благодаря людской глупости становятся иногда необходимыми, но всё-таки они зло, великое зло и большое несчастье, не только в отношении к жертвам своим, но и в отношении к чистоте и полноте достижения той цели, для которой они совершаются».

Революция также не может сама создать ничего нового; она может лишь освободить семена, которые уже существуют в мышлении людей и довести их до созревания тем, что она разбивает старые формы, мешающие или пытающиеся помешать их естественному развитию. Чем лучше ей это удаётся, тем значительнее будут успехи, ею достигаемые. Революция никогда не может одним махом уничтожить традиционные представления, убеждения и обычаи. Насилием можно победить врага, но этим не создаётся ни одной новой мысли, которая может лишь постепенно вырваться и развиться. Даже самые жесточайшие перевороты в истории не были способны полностью порвать со старым и поместить на его место нечто новое. Это невозможно уже потому, что в истории есть взаимосвязи, которые нельзя произвольно упразднить. Как и в обычное время, во время революции смешивается старое и новое, и т.к. человеческое сознание нельзя на один день перелить в новые формы, становится неизбежным, что сохраняется что-то старое, что может быть лишь постепенно преодолено при помощи новых убеждений.

Лишь вера во всемогущество революции, являющаяся лишь культом революции, может этого не учитывать. В критические периоды эта вера в определённое универсальное средство, которое может излечить все социальные недуги, может стать для людей роковым и привести своих приверженцев, как мы ясно можем наблюдать сегодня, к тому, что они во имя революции подготавливают путь для контрреволюции.

Революция и контрреволюция

Либеральные течения мысли 18-го и 19-го столетий нанесли решающий удар системе княжеского абсолютизма и перевели общественную жизнь на новые пути. Их идейные предводители, видевшие в наивысшей личной свободе необходимую предпосылку всяческого духовного и общественного переустройства, и поэтому стремились ограничить деятельность государства до минимума, открыли пред человечеством совершенно новые перспективы будущего развития, которые должны

были неизбежно привести к преодолению всех властно-политических устремлений и эффективному управлению общественными делами в интересах всех, если бы экономические воззрения их носителей были бы на одном уровне с их политическими и общественными познаниями. Но этого, к сожалению, не произошло. Под влиянием промышленной революции произошла всё более убыстрявшаяся монополизация всех природных и созданных общественным трудом богатств, которая развилась в новую систему экономического рабства, которая могла сказаться лишь роковым образом на изначальных мотивах либерализма и политической и социальной демократии.

Молодое социалистическое движение могло остановить это развитие, если бы оно не было само так вовлечено в опасный водоворот этих событий, чьи разрушительные последствия разрастаются сегодня до всеобщей культурной катастрофы. Оно могло стать исполнителем завещания либеральных идей тем, что оно сделало бы борьбу против экономических монополий и стремление сделать общественный труд полезным для потребностей всех их позитивным основанием. Этим экономическим дополнением к политическим и общественным устремлениям того времени, оно могло сделать их мощной частью мышления людей и фундаментом новой общественной культуры в жизни людей. Вместо этого большая его часть с невероятной слепотой боролась против вольнолюбивых устремлений в либеральном представлении об обществе и усматривала в них лишь политическое выражение так называемого манчестерского либерализма.

Таким образом, вера во всемогущество государства, которую расшатали новые идейные течения и революции 17-го и 18-го веков, снова обновилась и систематически усиливалась. Показательно, что представители авторитарного социализма часто одалживали своё оружие для борьбы с либерализмом в арсенале княжеского абсолютизма, хотя большинство из них об этом и не задумывалось. Многие из них, в особенности основатели немецкой школы, которая в последствии получила такое огромное влияние на всё социалистическое движение, учились у Фихте и Гегеля, представителей абсолютной государственной идеи; другие были так глубоко затронуты традициями французского якобинства, что могли представить себе переход к социализму только в форме пролетарской диктатуры. Для молодого социалистического движения было роковым, что оно ещё в своей начальной стадии большей частью попало под влияние авторитарных течений того времени, развившихся из традиций 1793-го года и долгого периода Наполеоновских войн. Это были именно те традиции, которые постепенно сгустились в революционный культ, лишивший своих приверженцев всякого понимания истинного исторического значения Великой революции.

Среди великих предшественников социалистической мысли во Франции Прудон был, практически, единственным, кто наиболее глубоко осознал историческое значение социализма. С выдающейся ясностью он осознал, что дело Французской революции было сделано лишь наполовину, и что задачей революции в 19-м столетии должно быть продолжение и завершение этого дела, дабы перевести развитие Европы на другие пути. В самом же деле, вся значимость Великой революции исчерпывается тем, что она прекратила монархическое попечительство и дала народам возможность взять свои судьбы в свои руки, после того как они столетиями служили

княжескому абсолютизму безвольным стадом и укрепляли его существование своим трудом.

В этом заключалась великая задача эпохи, которую Прудон понял лучше, чем большинство его социалистических современников. Великая революция хотя и устранила абсолютную монархию как политический и социальный институт, ей не удалось вытеснить вместе с ними и «монархическую мысль», как её называл Прудон, которая воскресла в политических тенденциях к централизации у якобинства и в идеологии единых национальных государств. Это то роковое наследие, которое досталось нам от исчезнувшей эпохи и проявляется сегодня в «вождистском принципе» тоталитарного государства, что является лишь интерпретацией той же монархической мысли.

Прудон верно понял, что абсолютизм, этот вечный принцип покровительства ради «богом положенной цели», остающийся недоступным для любых человеческих претензий, более всего мешает народам в их стремлении к высшим формам общественного бытия. Для него социализм был не просто вопросом хозяйствования, это был вопрос культуры, охватывающий все области человеческой деятельности. Он знал, что нельзя было устранить авторитарные традиции монархии лишь в одной области и оставить во всех других, чтобы не передать дело общественного освобождения в руки нового деспотизма. Для него экономическая эксплуатация и умственное рабство были лишь различными выражениями одной и той же причины. Прудон видел в монархии символ общечеловеческого порабощения. Для него она была не просто политическим институтом, а общественным состоянием с определённым умственным и духовным влиянием во всех областях общественной жизни. В этом смысле он называл капитализм «монархизмом экономики», который так же обязывает труд платить дань капиталу, как государство — общество и церковь — ум.

Прудон отвергал всякую заранее придуманную систему, в которую большинство социалистов того времени надеялись встроить социализм. Общественное освобождение было для него путём, а не целью. Он был человеком без заранее готовых принципов и утвердившихся целей, т.к. он полностью отдавал себе отчёт в том, что истинная сущность общества обнаруживается в вечном течении его форм, и что бесконечное формирование общественной и духовной жизни процветает тем более, чем меньше ему ставится искусственных препятствий и чем больше людей сознательно принимают участие в этих бесконечных изменениях общественных условий. И революция была для Прудона лишь путём, а не целью, и тем более не патентованным средством, которое нужно только применить, чтобы избавить человечество от всех страданий и привести в новый миллениум. Она знал, что революция часто была лишь последним средством, остававшимся народу для того, чтобы сбросить ярмо и начать переустройство общественной жизни; но он также понял, что она никогда не могла произвольно уничтожить внутренние социальные взаимосвязей, а могла быть только мостом, ведущим из прошлого в будущее, не прерывая естественного хода развития.

По этой причине культ насилия, развитый многими его социалистическими современниками в отношении революции, совсем его не затронул. Её символом для него стала не баррикада и, тем более, не революционный террор 1793-го, а творческие силы, ею освобождённые и единственно могущие создать новые возможности

развития для будущего. Он знал, что гильотина не могла дать народу ни хлеба, ни развить новых идей, а только лишь воскрешала прошлое и тормозила истинное дело революции. Ведь жестокое насилие до сих пор было типичным признаком реакции в истории, которым она пользовалась чтобы прекратить всякую самостоятельную и творческую деятельность народа и привести мышление людей в установленные рамки. То, к чему он стремился, было не «переменой правительства», но «революционизацией общества», чтобы постоянно поддерживать его в состоянии изменения и создавать пространство для новых условий жизни. Вопрос о «лучшем правительстве» был для него так же бессмыслен, как и вопрос о «лучшей религии», т.к. оба преследовали одну цель: создать новую форму авторитета, чтобы сохранить власть человека над человеком, неразделимую от эксплуатации человека человеком. Это было попечительством высшей силы над человеком, в котором он видел корень зла, мешающий людям взять свои судьбы в свои руки, чтобы посредством свободного договора достичь того, чего не могло достичь авторитарное принуждение.

Таковы были убеждения Прудона, которые привели его к пониманию того, что всякая революция, как только она оказывается в руках какой-либо партии, теряет свой истинный характер и неизбежно становится контрреволюцией. Поэтому он предупреждал социалистов, чтобы они не терялись в фарватере властных устремлений, и объяснял им, что как только социализм попадает в руки правительства, он сдаётся перед реакцией. Он говорил:

«Все партии без исключения, как только они устремляются к власти над обществом, служат лишь особыми формами абсолютизма. Не будет ни свободы гражданина, ни порядка в обществе, ни единства между рабочими пока в нашем политическом катехизисе не место веры в авторитет заступит отказ от него»

Кто этого не понимает, может клясться своими революционными убеждениями сколько угодно, по сути своей, он останется революционным путчистом, который совершенно не понимает революции и осознанно или неосознанно стоит на стороне контрреволюции. Это был не в последнюю очередь культ революции, который, после того как он потерял своё влияние на поколения, стал догмой, приведшей, в конце концов, к тому, что революция путалась с контрреволюцией и терялось всяческое понимание реальности. И в этом отношении Прудон верно оценивал обстановку, когда он сто лет назад писал свои пророческие слова:

«Самое худшее, что могло бы случиться с социализмом, это — его альянс с абсолютизмом, что привело бы к величайшей тирании всех времён».

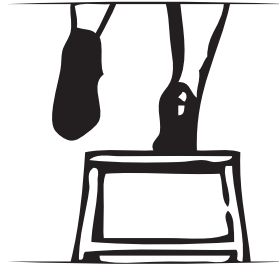
То, что тогда это не было понято, оказалось роковой причиной, по которой Февральская революция 1848-го года вместе со всеми её революционными волнениями, сотрясавшими Европу в 1848-1849-х годах, потерпела поражение. Тогда это было всё ещё понятно; но кто и сегодня, после чудовищных результатов двух мировых войн и устрашающего распространения тоталитарной реакции на всех континентах, всё ещё повторяет эту ошибку, мимо того бесполезно прошёл опыт последних десятилетий, не оставив ни малейшего следа. Тот даже не понял, что старая бланкистская идея о «революционном генеральном штабе», который должен был при помощи диктатуры направлять революцию в определённое русло, идея, которую освежил Ленин своей теорией о «профессиональных революционерах», должна была привести в лагерь контрреволюции. Понимал ли вообще Бланки эту разницу между революцией и

контрреволюцией, ещё спорно, ибо он настолько мыслил в духе 1793-го года, что не был восприимчив к другим идеям. Но Ленин полностью это осознал, что видно уже по его известному изречению: «Если кому-то придётся делать контрреволюцию, то это буду я». И чего он не смог сделать, то ещё более прилежно доделал Сталин.

Всякая истинная революция есть переходная стадия из отжившего общественного состояния, которое уже относится к прошлому, к новой форме общества, чьи первые семена начинают прорасти благодаря революции, и которые должны постепенно прорасти, чтобы завершить начатое. Главная характеристика революции в том, что она разрывает старые связи, привязывавшие людей к социальным формам прошлого. Чем лучше ей это удаётся, чем более она сражается с институтами, а не с людьми, тем более плодотворны её результаты, тем шире шаг, делаемый ею в будущее.

Но контрреволюция постоянно пытается восстановить эти связи, которые она, естественно, находит в прошлом, и которые неизбежно ведут обратно в прошлое. Она снова заковывает в цепи те творческие силы, которые освободила революция, сковывает всякое самостоятельное действие и развитие всех новых идей, без которых всякая революция обречена на провал, и сводит всю общественную жизнь к определённым, диктуемым постановлениям, более не позволяющих свободного выбора в мышлении и созидании. Контрреволюция всегда начинается там, где революция вырождается в борьбу за власть между партиями, которая заканчивается тем, что самая бессовестная из них, для которой жестокое насилие служит единственным ценностным мериллом жизни, остаётся единоличным представителем «абсолютизма особого рода» и ликвидирует остальные партии одну за другой. «Но власть», как верно подметил Прудон, «есть лишь борьба за нож, которым другим перерезаются горла», самый удобный инструмент, чтобы остановить все аргументы. Но «профессиональные революционеры» играют в этой борьбе ту же роль, что и профессиональные бюрократы абсолютной монархии в борьбе против всяческого обновления общественной и духовной жизни; ибо они на самом деле являются лишь профессиональными могильщиками всякой свободы, человечности и всякой мучительной тоски человечества по лучшему будущему.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Рудольф Роккер
Революционная мифология и революционная действительность

Скопировано 23 декабря 2014 года с <http://nihilist.li/>
Перевод – liberadio

ru.theanarchistlibrary.org